

Молитвенная дорога от Адамантowego Кивория представляла собой одновременно супермагистраль ноосферного света, библиотеку и транзитный маршрут. В прохладной темноте Кивория Котов предавался самоанализу, но когда он хотел насладиться всем тем, что его орден достиг за тысячелетия, то направлялся на Молитвенную дорогу. Сводчатая и украшенная золотом и сталью история Механикус разворачивалась над ним в огромных фресках без всякого изящества работ Клейсенса.

Этот маршрут “Сперанцы” воплощал не изящество, а утверждение.

Высокие статуи из бронзы и мрамора с золотыми прожилками тянулись к далёким сводам, где медленно кружили генетически созданные херувимы и сервочерепа, бормоча приглушённые бинарные гимны. Мерцающие завесы света из мозаичных витражей падали на промасленные цветные ленты и освещали прикреплённые к основанию статуй исполненные пергаменты с обетами.

С тех пор как Котов покинул Адамантиевый Киворий, за ним следовал шестиногий паланкин, монозадачный сервитор-водитель время от времени предлагал ему сесть, но архимагос хотел пройти путь своими ногами. Ну или почти своими ногами, насколько это возможно для существа, от органического тела которого осталось немногим больше, чем голова и спинной мозг. В прошедшие после аудиенции с Сюркуфом дни Котов по-прежнему носил повседневные одежды. Но время прибытия на орбиту мира-кузни Телока приближалось, и Котов знал, что пришла пора принять на себя всё положенное архимагосу Адептус Механикус.

Рядом с ним точно придерживаясь его механического темпа, шагал Таркис Блейлок, хотя свита низкорослых сервиторов хрипела и пыхтела с трудом поспевая за своим господином. Вместе они закончили согласование заключительных ремонтных графиков “Сперанцы”, распределив ресурсы и рабочие смены по потребностям и приоритетам. На столь сложном корабле, как ковчег Механикус – и с их материальными средствами, всё ещё представлявшими собой болото неизвестности – задача являлась непосильной для всех, кроме старших магосов с быстродействующими гексаматическими имплантатами.

Линии энергии извивались по шестиугольным плитам пола с каждым шагом, распространяя информацию о присутствии архимагоса и передавая вычисления в сеть корабля. В свою очередь Котов чувствовал раненое сердце ковчега, видя пути Галатеи в каждой жизненно важной системе.

– Вы снова станете едины, – сказал Котов. – И свободны.

– Архимагос? – спросил Блейлок.

Котов покачал головой. – Просто мысли вслух, Таркис.

Блейлок кивнул, но ничего не сказал. Дело с Сюркуфом лишило Блейлока былой обычной отстранённости от смертных проблем и вызвало искренний гнев. Котов знал, что фабрикатус-локум всё ещё не понимал причину, по которой он позволил вольному торговцу избежать

наказания.

Котов остановился у основания огромной статуи, ровно в четырёхста девяносто шесть метров высотой и созданной из полированной серебристой стали и блестящего хрома.

– Магос Циммен, – произнёс Котов. – Создатель гексаматической геометрии. Мой любимый герой, как вы знаете. Я написал множество монографий на её работы, когда вступил в Культ Механикус.

– Мне известно об этом, архимагос, – ответил Блейлок. – Я, конечно, загрузил их и использовал в своей работе.

– Как странно думать о времени до гексаматики, вам не кажется? Мы так сильно полагаемся на неё. Она – часть каждой бинарной структуры кода, часть каждого сообщения и при этом мы считаем само собой разумеющимся, что никогда не утратим её.

– Не утратим, её использование включено в каждую базу данных.

Котов смотрел на стоическое лицо Циммен. – Мы так уверены в себе, Таркис, – сказал он. – Да, мы закодировали большую часть наших данных, но может оказаться достаточно всего одной катастрофы, чтобы мы забыли всё изученное. Эпоха Раздора почти уничтожила нас, стёрла большую часть из того, что наш вид столь полно постиг – существует даже соблазн предположить, что это было умышленное действие технологического вандализма.

– Мы извлекли уроки из произошедшего, – ответил Блейлок. – Наши архивы рассеяны, на каждом мире-кузне находится множество резервных копий и дубликатов.

– Поверьте мне, Таркис. Я лучше кого-либо знаю, как легко потерять мир-кузню. Я помню цитату Старой Земли, где говорится, что цивилизация отстоит от варварства всего лишь на один перерыв на обед. Думаю, мы недалеко ушли от этого.

Котов продолжил идти, когда сервитор в очередной раз предложил сесть в паланкин.

– Гексаматика – хороший пример, – сказал он. – Мы принимаем её как само собой разумеющееся, но что если СШК для создания имплантантов, которые позволяют мозгам обрабатывать эти вычисления, будет утрачен? Огромная часть наших текущих средств шифровальной связи и передачи данных в один миг станет недоступной. Мы с вами обмениваемся и обновляем наши недавние схемы обработки данных, одновременно общаясь на высших уровнях ноосферного траффика, но стоит удалить гексаматические имплантанты и эти инфопотоки превратятся в неразборчивую бессмыслицу, неотличимую от скрап-кода.

– Как скажите, архимагос, – согласился Блейлок. – Тогда можно спросить, зачем вы пошли на риск столь ценным космическим кораблём, как “Сперанца” в столь сомнительном

путешествии? Сражение против эльдаров показало, что она является хранилищем технологий, к которым у нас пока ещё нет доступа.

– Вы имеете в виду, почему я пошёл на риск, основываясь на словах такого афериста, как Сюркуф?

– Именно так.

Котов остановился и ответил. – Потому что я повинен в самоуверенной гордыне, Таркис. Омниссия в Своей мудрости счёл должным наказать меня за высокомерие, что я силой своего разума смогу поднять наш орден из тьмы в новый золотой век. Мои миры-кузны были потеряны, а репутация разорвана в клочья. Опала напомнила мне, что без Омниссии мы – ничто, обезьяны, копающиеся в грязи в поисках остатков ранней цивилизации. Следуя оставленным нам Богом Машиной знакам, мы приблизимся к сингулярности, которая является кульминацией наших устремлений, дабы Бог Машина стал единым с человечеством и вознёс нас на суперинтеллектуальный уровень.

– И вы считаете Сюркуфа одним из этих знаков?

– Он должен им быть, – сказал Котов, выгрузив историю данных, оставленных вольным торговцем в манифольде до начала экспедиции. – Его торговые флоты годами действовали на галактических границах, прежде чем он получил заказ от магоса Альхазена отправиться в систему Аракс.

– Магоса Альхазена из Сабейского залива? Моего наставника? – удивлённо спросил Блейлок.

– Именно от него.

– “Сперанца” прошла вдоль границы системы Аракс на пути к Шраму Ореола, – сказал Блейлок, вызывая маршрут, рассчитанный Азурамаджелли и Линьей Тихон. – В чём состоял заказ?

Котов остановился, когда они приблизились к подобной утёсу переборке, отделявшей Молитвенную дорогу от более функциональных районов огромного корабля. Полкилометра высотой, её геометрические узоры являлись идеализированными представлениями о золотом сечении, а в центре располагалась колоссальная шестерёнка Механикус из угольно-тёмного железа и блестящего хрома.

– Обычный внешний подряд на возвращение минеральных образцов из заброшенного аванпоста техсорцитов на планете, известной, как Серен Айлет. Корабли Сюркуфа вовремя вернулись с затребованными образцами, но шесть месяцев спустя Робаут Сюркуф связался с моими марсианскими владениями с новостями о том, что его суда нашли в главном поясе астероидов системы.

- Маяк бедствия спасательной капсулы “Томиоки”.

- Вот именно, Таркис, вот именно. И вы конечно знаете насколько статистически маловероятно найти спасательную капсулу в глухом космосе, не говоря уже о плотном поясе астероидов. Уже сам факт, что маяк сумел прорваться сквозь Шрам Ореола является чудом, но его обнаружение ничуть не менее удивительно. И то, что его нашли выполняя задачу, поставленную вашим бывшим наставником, является звеном в цепи, которая простирается за пределы любых понятий совпадения или случайности. Части стали вставать на своё место. У меня была “Сперанца”, корабль, способный пройти Шрам Ореола, и астроном, чьи карты показывали несоответствия в звёздной топографии региона, который мне предстояло пересечь. Воистину Омниссия не мог дать мне более ясных знаков.

Блейлок был потрясён и Котов видел, что он изо всех сил пытался постичь огромную паутину причинно-следственных связей, которые должны были сойтись, чтобы совместить настолько маловероятные факторы, что они являлись статистически невозможными. Котов видел плотную паутину вычисления вероятностей, чередующуюся по всей ноосферной ауре Блейлока, и улыбнулся, когда вычисления развалились, потому что числа стали слишком большими для обычной алгебры.

- Омниссия привёл нас сюда? – спросил Блейлок, опустившись на колени перед огромным символом Шестерёнки Механикус. – Я всегда верил в Дух Машины, но видеть его работу, лежащую передо мной это... это...

- Чудесно, друг мой, – ответил Котов, положив руку на голову Блейлока в капюшоне, когда божественное сияние омыло и наполнило своим светом Молитвенный путь.

Даже несмотря на фильтры пиктеров внешних топографов “Амарока” каскадные полосы цвета охры и умбры в небесах Гипатии напомнили Линье о юности на вулканических возвышенностях нагорья Элизий. Тогда она была одарённым неопитом магоса Гасселта и работала в его марсианской обсерватории, как окулист секундус. Теперь же она являлась звёздным картографом собственной трансорбитальной галереи. Многочисленные технологические достижения и звание позволяли Линье отправлять прошения лично генерал-фабрикатору, реквизируют планетарную десятину и созывать имперские войска для службы силам Механикус.

И всё же она не занималась ничем из этого почётного списка, потому что в глубине души она была эксплоратором.

Сначала она исследовала космос сквозь многослойные линзы и орбитальные ретрансляторы Марса – и Кватрии – но изучая с отцом растущие расхождения на картах вокруг Шрама Ореола, постепенно осознала, что ей мало просто наблюдать за далёкими уголками галактики. Линья устала смотреть на далёкие звёзды и системы, она хотела почувствовать их свет на коже, вдыхать неизвестный воздух и шагать по почве тех миров, которые она знала только как пятна света на электростатически заряженных светочувствительных пластинах.

Она улыбнулась, поняв, что присоединилась к флоту Котова почти по таким же причинам, что и Робаут Сюркуф, и подумала, что он сказал бы о путешествии по поверхности чужого мира, как часть экипажа бога-магины.

Внутри “Пса войны” было сыро и пахло горячими маслами и благословенными смазками. Отсек, где слишком огрубевшие от долгой службы в легио техножрецы разместили её, оказался размером с саркофаг и явно предназначался для существ, комфорт которых не интересовал принцепсов.

Гуннар Винтрас переговорил с ней и отцом только для того, чтобы напомнить им, что он не потерпит уровень компетенции ниже, чем у сервиторов, которых они заменили. Только лёгкий ноосферый укол отца помешал ей ответить на это излишне покровительственное замечание. Всем было известно о высокомерии и безрассудности принцепсов “Псов войны” и похоже Винтрас почти до смешного наслаждался этим предубеждением.

Он поручил Линье управлять системой стабилизаторов левого борта, задача сводилась к компенсации любых неосмотрительных шагов и выполнению гироскопических вычислений в реальном времени, которые позволяли пятнадцатиметровой двуногой военной машине сохранять вертикальное положение.

Для гексаманта саванта уровня секундус такие вычисления были детской игрой, что позволило Линье по максимуму наслаждаться новым опытом.

Было что-то приятное в примитивных средствах управления и Линье пришлось напомнить себе, что она занималась тем, чем обычно занимался сервитор. Она сумела договориться с мерцавшим голографическим экраном, которым явно не пользовались десятки лет, и в плавающих волнах фотонов появилась поверхность планеты.

Адептус Механикус спустились на Гипатию подобно хищному рою прожорливых организмов тиранидов, собираясь столь же тщательно очистить планету от ресурсов. Задействовали такое количество титанических горнодобывающих машин, от которого экспедиция на Катен Вениа могла только стыдливо покраснеть.

Каждая сборочная группа приземлилась в том месте, где орбитальная съёмка указывала на самые перспективные месторождения необходимых материалов, и едва машины с грохотом выкатились из транспортов, как немедленно начали разрывать поверхность планеты на части. Сначала осушили подземные пещеры, заполненные химически богатыми океанами, одновременно землеройные левиафаны опустили на заранее обстрелянные участки, чтобы вскрыть поверхностную кору планеты на глубину ста тридцати километров, обнажив вязкие и богатые минералами пласты перегретой астеносферы.

Магос Криптаэстрекс контролировал сбор ресурсов, пока Азурамаджелли координировал грандиозную задачу доставки выкопанного сырья к ярко светившей комете “Сперанцы” на низкой орбите.

Пока сборочные машины копали, бурили, откачивали и очищали материковые богатства планеты, превращая их в материалы, пригодные для кузниц “Сперанцы”, принцепс Винтрас направился далеко за пределы рассеянных раскопок, в области, которые не представляли особого интереса с точки зрения геологоразведки.

К покачивающейся походке “Пса войны” было не так уж легко привыкнуть, но как только у Линьи это получилось, она легко смогла переключить внимание на изучение окружающего мира. Отец, расположившийся в противоположном отсеке стабилизации, посылал постоянный поток взволнованного кода прямо в её черепные имплантанты, обходя манифольд титана и указывая на любопытные географические особенности родовых схваток Гипатии.

Несмотря на возраст в миллионы лет, по оценке Виталия Гипатия находилась на промежуточных этапах планетарного развития и её массы суши в основном ограничивались одним огромным суперконтинентом, который медленно раскалывало постепенное движение тектонических плит. Её океаны представляли собой вязкие консистенции токсичной чёрной жидкости, а горы – кошмарные хребты извергавшихся вулканов и внезапных сильных землетрясений.

– Принцепс Винтрас, кажется, наслаждается возможностью управлять титаном в непосредственной близости от мест, которые лучше избегать, – произнесла Линья, давая компенсацию за хрупкую почву под ногами “Амарока”, когда тот спускался по каньону оранжевого камня.

– Пилоты “Псов войны”, – ответил Виталий, словно этого было достаточно.

– Что ты думаешь об этом каньоне? – спросила Линья. – Он, кажется, почти идеально прямым. Так противоестественно.

– Подозреваешь искусственную руку в его создании? – дразнил Виталий. – Как каналы Марса?

Линья улыбнулась упоминанию отца о древнем поверье, что Марс когда-то населяла вымершая раса, которая прорезала широкие каналы вблизи экватора планеты. Оно являлось столь же смехотворным, как и домыслы о кебринианском лице, которое на самом деле являлось делом рук ранней марсианской секты убийц в знак уважения к другому полузабытому мифу.

– Нет, конечно, нет. Если только Телок не останавливался здесь, – ответила она, регулируя гироскопические сервоприводы, когда “Пёс войны” спустился на потрескавшиеся камни и направился к входу в почти идеально V-образную долину. – Мы не знаем ничего определённого о мощи Дыхания Богов. Если оно может восстановить звезду, то и небольшое терраформирование явно ему по силам.

– Может ты и права, дочка, пусть этот регион и выглядит искусственным, тебе не кажется, что это несколько мелко для артефакта звёздной инженерии?

– Сложно не согласиться, – ответила Линья, отрезая нить сознания, чтобы соединиться с пассивным ауспиком шагающей военной машины. Потоки данных оказались намного воинственней, чем она привыкла, показывая уровни угрозы и обеспечивая необходимой в бою информацией: коэффициентами укрытия, возможными местами засады, мёртвым пространством, слепыми участками обзора и зонами свободного огня.

Она отфильтровала большинство таких данных, оставив панель ауспика почти чистой, потому что вряд ли принцепса “Пса войны” заботит структура скал, состав атмосферы или длина волн различных спектров света? Линья вывела на передний план данные о состоянии окружающей среды, приумножая информацию об области непосредственно вокруг “Пса войны” с каждым импульсом ауспика.

И всё же большая часть красноречивых деталей приходилась не на то, что она получала при помощи многочисленных ауспиков на корпусе титана, а на неровную съёмку внешних пиктеров. Мимо “Амарока” проносились стены ущелья, исчерченные полосами отложения осадочных пород за более чем миллионы лет и, анализируя данные перед собой, она предположила, что ущелье вообще появилось не в результате тектонического разрыва.

– Отец, ты это видишь? – спросила она.

– Вижу, хотя не совсем уверен, как это вижу, – ответил Виталий. – Это – речная долина...

– Как такое возможно? Океаны ещё формируются, но судя по облику скал, это ущелье проложено сквозь горы большой рекой.

– Это самое странное, – сказал Виталий, когда “Пёс войны” обходил скальный отрог, напоминавший сломанную секцию огромной стены. – Совершенно нетипично для планеты такого возраста, чьи океаны только формируются. Но планетарные отложения, учитывая огромные промежутки времени всё ещё остаются загадкой, поэтому я ожидаю, что это не последняя странность, которую мы обнаружим на Гипатии.

Пикт-экран перед Линьей затрещал, активируясь, когда ауспик обнаружения угрозы вспыхнул, и каждый отключённый канал входящих данных расцвёл перед ней.

– Думаю, ты прав, – сказала Линья, уставившись на разрушенный город, раскинувшийся на дне долины.

+ Криптаэстрекс, вы это видите? + спросил Азурамаджелли, отсоединяя кабели от загрузочных разъёмов мозговых колб и рассеивая входящую информацию сквозь инфопризмы командной палубы.

+ Что бы это ни было, оно может подождать, + ответил Криптаэстрекс из-за инфохаба, связывающего его с посадочными палубами и грузовыми трюмами. + Вы не видите мой уровень загрузки данных? +

+ Нет, + сказал Азурамаджелли с потрескиванием воинственного кода. + Это не может подождать. +

+ Я координирую миссию по сбору ресурсов планетарного масштаба, + огрызнулся Криптаэстрекс. + Тысяча грузовых шаттлов прилетает и улетает с поверхности планеты и сотни загрузочных операций осуществляются по всему кораблю. У меня мало желания заниматься вашими проблемами. +

Азурамаджелли направил данные с большей силой.

+ Смотрите, + потребовал он, увидев вспышку раздражения в инфотоке Криптаэстрекса.

Раздражение исчезло сразу же, как Криптаэстрекс увидел показанное Азурамаджелли:

+ Что там происходит? +

Данные представляли собой пикт-трансляцию с одной из спальных палуб ниже ватерлинии, в области корабля, где гравитационные разнонаправленные силы Шрама Ореола смяли и едва не разорвали подфюзеляжную броню “Сперанцы”. Только спешно установленные целостные поля смогли сохранить атмосферное давление, но столь масштабное расходование энергии оказалось излишне затратным, и архимагос Котов поручил тысяче сильных крепостных и сервиторов устранить повреждения на нижних палубах.

Потрескивающая пелена энергии образовывала дугу в отсеке, прыгая от опоры к опоре и заполняя огромное пространство штормом молний. Мужчины, женщины и дети беззвучно кричали, когда молния уничтожала жилые помещения нижних палуб, превращая живые тела в пепел и пыль с каждым мерцающим взрывом сине-белого света.

+ Невозможно, + пробормотал Криптаэстрекс. + В отсеке нет источника энергии, способного создать такой разряд. +

+ Это - не электричество, + произнёс Азурамаджелли, просматривая срочные входящие сообщения от астропатических хоров “Сперанцы”. + Магистры хоров ковчега сообщают о психическом событии боевых уровней. +

+ Варп-колдовство? +

+ Неизвестно, но магистр хора прайм считает, что источник - нечеловеческий. Рекомендация: отключить электроснабжение на всей палубе, + сказал Азурамаджелли. + Вычистить всё, что бы это ни вызвало. +

+ Целостные поля связаны с энергосетью отсека! + возразил Криптаэстрекс. + Мы потеряем все палубные и ремонтные материалы. Там тысячи рабочих. +

+ Вы предпочитаете потерять весь корабль? +

Дверь на мостик с шипением открылась, и вошёл архимагос Котов, за которым следовал магос Блейлок. Архимагос явно был осведомлён о происходящем, и быстро и беспощадно отдал приказ, полностью и всецело понимая, что обрекает на смерть тысячи людей ниже ватерлинии.

+ Отключить энергию, + произнёс он.

Невозможно было тем словом, которое постоянно крутилось в мыслях Линьи, пока “Амарок” осторожно шагал по разрушенному городу. Принцепс Винтрас сначала не собирался входить, но природная агрессия и охотничий инстинкт “Пса войны” взяли верх и убедили его исследовать разрушенные здания и заваленные обломками улицы.

Обнаружение города такого возраста на мире в промежуточной стадии своего жизненного цикла являлось крайне маловероятным, потому что поверхности ещё только предстояло достигнуть уровня геологической устойчивости, которая сделает возведение городов такого размера целесообразным и возможным. Похоже, множество зданий были разрушены землетрясением и “Амароку” несколько раз приходилось идти в обход, преодолевая широкие расселины, разорвавшие улицы города. Дважды титан прижимался к одноэтажным домам, когда толчки сотрясали землю. Ни один не оказался достаточно сильным, чтобы вызвать беспокойство у неё или принцепса, но это явно свидетельствовало о глубинной нестабильности планеты.

Линье пришлось пересмотреть первое впечатление о Гуннаре Винтрассе. Конечно, ему не откажешь в самоуверенности и высокомерии, но он оказался очень умелым пилотом “Пса войны” и, углубляясь в город, перебегал от укрытия к укрытию и держался подальше от стен.

- Он - имперский, - произнёс отец. - Это совершенно очевидно. Образцы СШК ясно различимы почти в каждом здании.

- Вижу, - согласилась Линья, пока они проходили справа от узкого и высокого хаб-блока. - Но показания ауспика бессмысленны. Ни по одному сооружению я не могу определить возраст города.

- Не можешь, - поддержал её отец. - Я вижу излучение, которое указывает, что большую часть города построили примерно пятнадцать тысяч лет назад.

- Это перед Великим крестовым походом. Возможно, тут поселились во время Первой диаспоры?

Отец задумался, и Линья посмотрела на пикт-планшет, показывавший зернистое изображение обвалившегося здания, которое приняло на себя главный удар более раннего землетрясения. Открытые этажи были завалены обломками, но она не увидела признаков, что там кто-то жил.

- Это конечно один из выводов, - сказал Виталий.

- Другого не могу придумать.

- Преждевременное старение. Ускоренный распад вызван энтропийными полями. Я слышал о ксеносах, обладавших подобной технологией, но в меньшем масштабе.

- Не слишком ли издалека ты заходишь? - спросила Линья. - Lex Parsimoniae подразумевает, что объяснение с наименьшим количеством предположений часто самое правильное.

- Ты конечно права, дорогая, и в обычных обстоятельствах я согласился бы с тобой.

- Но?

- Я соединился со специализированными топографами "Сперанцы" и изучаю их данные. Сравни текущие показатели с теми, что мы обнаружили, когда только начали создавать карту этого региона на основании информации от Галатеи.

Линья переключила загрузочные системы, чтобы посмотреть, о чём говорил отец, и снова слово невозможно всплыло в разуме.

- Они отличаются, - сказала она. - Несильно, но по большому количеству показателей. Я не знаю... но это...

- Невозможно? - закончил отец. - Текущие хронометрические данные показывают, что планета, по которой мы идём, моложе, чем была когда "Сперанца" направилась к ней. Это не планета, которая находится посередине развития, а планета, которая вернулась к нему в предельно сжатые сроки. И она продолжит возвращаться, пока не развалится в расширяющуюся массу звёздного вещества.

Линья изо всех сил пыталась осмыслить идею, что планета могла регрессировать по фазам существования. Если принять это за истину, тогда законы пространства-времени нарушались всеми немыслимыми способами, и она почувствовала, что новые представления о реальности вступают в конфликт со всем изученным ею в Адептус Механикус.

- Думаешь, это побочный эффект Дыхания Богов? - спросила она.

- Остаётся только надеяться. Альтернатива настолько ужасна, что о ней не хочется думать, потому что в таком случае фундаментальные законы вселенной не столь незыблемы и постоянны, как мы считали.

- Нужно предупредить сборщики, - сказала Линья. - Пока Гипатия не вернулась к более

нестабильной фазе.

- Пожалуйста, ты думаешь я уже не сделал это?

Прежде чем Линья успела ответить, расположенные в нижней части когтистых ног “Пса войны” гироскопы зафиксировали приближение сейсмических волн. Величина поступавшей энергии оказалась гораздо больше, чем она видела прежде, и они находились прямо в эпицентре.

- Принцепс! - закричала она, но было уже слишком поздно, когда вся мощь землетрясения проревела из глубин планеты. Ближайшие здания разлетелись в буре расколотых камней и лопнувшей стальной арматуры. Облицовочные панели и перекрытия водопадом хлынули с высоченных башен, а самые повреждённые здания просто исчезли.

Миллионы тонн камней рухнули ревущей лавиной разрушенной породы, когда задрожала вся долина. Пыль взметнулась из расщелин, которые протянулись по всему городу, как трещины по льду замёрзшего озера, и твёрдая на вид скала рвалась с лёгкостью пергамента. “Амарок” пошатнулся, как смертельно раненый зверь, когда земля задрожала и разошлась. Появились пузыри извергавшейся магмы, омывая разрушенный город адским красным сиянием.

Панели стабилизаторов Линьи зазвенели предупреждениями, когда их допуски превысили во много раз, заполнив отсеки титана светом аварийных ламп. Даже в изолированных нижних частях бога-машины шум казался оглушительным. Линья боролась, пытаясь сохранить устойчивость титана, когда Винтрас на ходу развернул “Амарока”. Скала под военной машиной треснула и раскололась, из расселин ударили гейзеры.

Линья схватилась за поручень над головой, когда “Амарок” наклонился далеко от центра тяжести.

Она закричала, поняв, что титан сейчас упадёт.

Винтрас согнул правое колено “Амарока” и направил руку с мегаболтером вниз. Ураган снарядов взорвал землю. Отдача была свирепой, и с отключёнными компенсаторами её оказалось достаточно.

Невероятно, но титан смог устоять, и, сделав с полдюжины покачивавшихся неустойчивых шагов, сумел полностью восстановить равновесие. Линья была поражена. Она уже изменила мнение о Винтресе, как о высоко квалифицированном принцепсе, но теперь она поняла, что он был исключительно квалифицирован.

Но в этот момент земля под титаном разверзлась.

Даже исключительно квалифицированный принцепс не мог помешать ноге с когтями

погрузиться в расселину пузырящейся магмы.

- Это - ошибка, Ави, - сказал Хоук, быстро обходя препятствие, чтобы идти в ногу с Авреем по арочным проходам "Сперанцы". - Серьёзно. Подумай об этом - тебя разыскивают, мой друг. Высунуть голову из окопа - отличный способ поймать пулю. Я всю жизнь только и делаю, что не высываюсь, и это - лучший способ действия, поверь мне.

- Спаси меня Омниссия, но на этот раз я полностью согласен с крепостным Хоуком, - произнёс Тота Мю-32. - Это - не мудро.

Авреем посмотрел на Хоука, ярость в его сердце превратилась в медленно горящий огонь, питаемый постепенно возрастающим количеством поступавшего кислорода. Он сжал кулаки, и за его спиной Расселас Х-42 обнажил металлические зубы.

- Разве не ты сказал: "Однажды я заставлю ублюдка поволноваться"?

- Может и я, не помню, но ты не хочешь слушать меня, Ави, - возмутился Хоук. - Я просто говорю, но ничего не делаю. Ты же - один из тех опасных типов, которые делают, что говорят.

Койн и Исмаил догнали их, взгляд последнего был серьёзным, а у первого загнанным, как у добычи, почуявшей рядом хищника.

- Борода Тора, ты должен послушать его, Авреем, - сказал Койн. - Ты прикончишь всех нас.

- Если боишься, Ванн, возвращайся, - ответил Авреем. - Ты не обязан идти со мной. Я предпочёл бы иметь за спиной человека, кому не плевать, чем, того, кто дрожит за свою шкуру.

Лицо Койна вытянулось, но у Авреема не было настроения для извинений.

- Это - несправедливо, Авреем, - сказал Койн. - Разве я не всегда был рядом с самого первого шага?

- Верно, - согласился Авреем, - но чего стоит твоя поддержка, если это всего лишь меньшее из двух зол? Мы сделаем это и сделаем сейчас. Пришла пора Механикус понять, что мы не просто числа или ресурсы. Мы - люди, и мы не позволим себя убивать, потому что их это устраивает.

С тех пор как Исмаил заставил его душу ощутить боль сервиторов и крепостных "Сперанцы", Авреем понял, что не сможет закрывать глаза, не чувствуя тошнотворный ужас от страданий по всему флоту Котова. Он почувствовал смерти в подфюзеляжных жилых отсеках, когда отключили энергию целостных полей. Он плакал, когда и так уже повреждённые бронированные листы обшивки уступили, и целую палубу выбросило в космос.

Две тысячи триста семь мужчин, женщин и рождённых в космосе детей погибли, не говоря уже о трёхстах одиннадцати сервиторах, которые моментально замёрзли или потеряли органические компоненты.

Он больше не мог терпеть – и с помощью Исмаила – собирался показать Адептус Механикус, что с них хватит. Отключив успокаивающий шлем аркофлагелланта, он покинул убежище по маршруту, который так и не смог запомнить. С Расселассом X-42 и Исмаилом он направился в ту часть “Сперанцы”, где провёл немалое время не крепостным Механикус, как он раньше считал, а рабом.

Тота Мю-32 решил зайти с другой стороны.

– Вы – Избранный Машиной, крепостной Локк, – произнёс он, схватив руку Авреема. – Вы – особенный и не можете так рисковать собой. Вы слишком ценны, чтобы погибнуть из-за акта эмоциональной злости.

– Если я особенный, то должен заслужить этот дар, – ответил Авреем. – Если я – Избранный Машиной, то обязан как-то распорядиться этой властью, так? В конце концов, какой смысл быть кем-то важным, но не использовать власть, чтобы сделать жизнь людей лучше?

– Механикус убьют вас, – сказал Тота Мю-32.

Авреем ткнул большим пальцем за плечо и сказал. – Хотел бы я увидеть, как они попробуют это сделать, когда со мной аркофлагеллант. Я использую его, если потребуется, не сомневайтесь.

– X-42 – мощное оружие, – согласился Тота Мю-32. – Но он смертен, как и все мы. Пуля в голову убьёт его, также как и любого из нас. Пожалуйста, передумайте, я прошу вас.

– Нет, – ответил Авреем. – Уже слишком поздно.

Ноги безошибочно привели его в Пищевую-86, на место предыдущей непреднамеренной расправы с крепостными, и Авреем улыбнулся, увидев, что идеально выбрал время. Одна смена из тысяч людей как раз заканчивала доедать питательную пасту, а другая ожидала у противоположного входа, пожирая голодными глазами предоставленные Механикусом помои.

Группа аугметированных надсмотрщиков стояла у арочного входа, и Авреему понравилось с каким страхом они посмотрели на Расселаса X-42 и отступили в столовую. Он заметил их призывы о помощи в ноосфере, и знал, что может помешать им достигнуть получателей, но желал, чтобы весь флот узнал о его присутствии.

– Пусть уходят, – произнёс он, подавив естественное желание X-42 убить бегущих надсмотрщиков.

Хотя их было всего шестеро, похоже, они привели Адептус Механикус в такой ужас, о котором не могла мечтать даже целая армия разъярённых зелёнокожих.

Авреем направился прямо в столовую, ощущая, что глаза всех крепостных уставились на него.

Все здесь знали, кто он. Они слышали истории и пересказывали их друг другу и, возможно, даже добавляя детали от себя. На некоторых палубах его уже называли аватаром Бога Машины. На других его имя стало синонимом мессианских исторических личностей: великих освободителей, смутьянов-революционеров или пацифистских вестников терпимости.

Авреем являлся всеми ими и намного большим.

С Расселасом Х-42 и Исмаилом Авреем добрался до центра огромного помещения. К этому времени отчаянные призывы о вооружённой помощи достигли барачов скитариев, казарм кадианцев и постов армсменов. Сотни людей с оружием и желанием его использовать прямо сейчас приближались к Пищевому-86.

Ни один из них не успеет остановить то, что должно произойти.

Авреем забрался на стол и повернулся на триста шестьдесят градусов, чтобы его увидели все. Он пришёл в простой мантии, красной, как у Механикуса, но без столь любимых техножрецами украшений и грубой, как спецовки крепостных. Он не заготовил ни речей, ни пышных выражений, он и так знал, что люди с ликованием встретят то, что он собирался сказать. Слова должны исходить от сердца или все его проповеди быстро превратятся ни во что.

Он кивнул Тота Мю-32 и вокс-решётки по всей столовой затрещали и зашумели, когда надсмотрщик подключился к ним.

– Мои братья-крепостные, – начал Авреем, его голос гремел по всей столовой и далеко за её пределами. – Все вы знаете, кто я и почему Механикус меня боятся. Я – Авреем Локк и я – Избранный Машиной. И я – один из вас. Надсмотрщики сказали вам, что я – безумец, сумасшедший с божественной манией. Вы знаете, что всё это – ложь. Я трудился с вами в недрах рабской машины Котова, и я горел, как и вы горели. Я истекал кровью, и мне стало тошно от всего испытанного нами. Знайте же, что мои страдания не прекратятся, пока не прекратятся ваши муки. И я здесь, чтобы сказать вам, что ваши страдания подошли к концу!

Люди согласно кивали, и Авреем видел, как армсмены и надсмотрщики собирались взволнованными группами. Тота Мю-32 заверил Авреема, что благодаря взломанной им вокс-системе его речь услышат по всей “Сперанце”. Авреем наслаждался растерянностью на лицах надсмотрщиков, которые обсуждали стоит ли ворваться в столовую и схватить его, пока ситуация полностью не вышла из-под контроля.

Авреем не дал им времени принять решение.

- Смотрите, братья. Если “Сперанца” – машина, а архимагос Котов – когитатор в её сердце, то магосы – рычаги управления, а надсмотрщики – механизмы. Это превращает нас в сырьё, которое пожирает машина! Но мы – сырьё, которое не хочет быть сожранным. Нас нельзя просто взять и использовать, а потом выплюнуть или отбросить в сторону. Мы – не рабы, чтобы нас покупали или продавали, как туши животных на мясном рынке. Нет, архимагос Котов, мы – люди!

На этот раз слова Авреема встретили дикие крики и вскинутые кулаки. Он чувствовал, как им вторили во всех уголках ковчега Механикус от командной палубы до самых глубоких и тёмных отстойников ниже ватерлинии. Затаённая злость, которая бурлила внутри не в силах вырваться, внезапно нашла выход в Аврееме. Крепостные побросали пластмассовые подносы на пол и залезли на столы. Они с ненавистью кричали на надсмотрщиков и выкрикивали слова поддержки и преданности.

Авреем вскинул кулаки в воздух, один из плоти, другой из металла, как победивший боксёр:

- “Сперанца” – великая машина, и функционирование этой машины стало столь ненавистным и сделало нас столь несчастными, что мы больше не можем терпеть! Мы даже не можем просто отойти в сторону! Поэтому мы бросим свои тела на шестерёнки и механизмы, на рычаги и на оборудование! Мы заставим машину остановиться! И вместе мы покажем архимагосу Котову, что без нас его великая машина не будет работать вообще!

Столовая зашлась в криках и рёве, и Авреем больше не видел армсменов или надсмотрщиков. Они отступили от растущего гнева тысяч крепостных, отступили для перегруппировки с войсками, которые приближались к столовой со всех сторон. Авреем отбросил мысли о них. Теперь это было не важно.

Он обладал тайным преимуществом, которое сделает всё оружие на корабле бесполезным.

Авреем опустил руки и повернулся к Исмаилу:

- Уверен, что сможешь сделать это? – спросил он.

Исмаил кивнул. – Смогу. Они готовы слушать.

- Тогда делай, – сказал Авреем.

Исмаил кивнул и закрыл глаза.

Один за другим, палуба за палубой десятки тысяч кибернетических рабов-сервиторов просто перестали исполнять свои обязанности. Они покинули посты, отключились от оборудования и отказались продолжать работу.

“Сперанца” перестала функционировать.

Глоссарий:

Anohkin – Анохин

Arax system – система Аракс

Elysium Planitia – нагорье Элизий

Isidore – Исидор

Iskander Hive – улей Искандер

Montes Analyticae – Монтес Аналитика

Registrati Imperialis – Регистрати Импералис

Seren Ayelet – Серен Айлет

Sinus Sabeus – Сабейский залив

Synesius – Синесий

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658682>